

Мейхош АБДУЛЛА

Писатель

Я жил в городе, вдали от родного села. Мама же оставалась в деревне, в нашем старом доме. Служебные дела, семейные заботы не позволяли часто навещать к ней. В лучшем случае мне удавалось выбраться в деревню раз в месяц. Мама была уже совсем старая. Каждый раз при встрече она интересовалась моей жизнью в городе, работой, спрашивала, как у ребенка, как питаюсь, тепло ли одеваю в холода и строго-настроено наказывала жене хорошо заботиться обо мне.

Жена со смехом отвечала:

- Мама, а мы что же - не родные тебе? Что ты все о сыне беспокоишься, мы тебя не интересуем?

Мама же со вздохом отвечала:

- Что ты, доченька?! Конечно, я вас всех люблю, вы - мои кровиночки. Но он же - наш кормилец. Если он здоров, то я спокойна и за всех вас.

Мама любила меня больше всех своих детей. Я был самый старший и с детства на мою долю выпало много трудностей. Так получилось, что отец рано ушел из жизни - и все бремя забот о семье, о матери и пятерых младших сестрах легло на мои плечи. С малых лет я привык к тяжелому труду, работал, не покладая рук, с утра до вечера. Недосыпал, недоел... Днем зарабатывал как мог на кусок хлеба, ночами - делал уроки, читал книжки. В те годы я мечтал - интересно, наступит такое время, когда я смогу отоспаться вволю за все прежние бессонные ночи! Прошли годы... И хоть было нелегко, но я выучился, получил хорошую должность, купил квартиру в городе, обзавелся семьей.

Я был старше всех в семье, но дал себе слово, что не женюсь, пока не устрою судьбу сестер. Мать не соглашалась с этим решением:

- У каждого своя судьба, сынок, - говорила она. - Ты строи свою жизнь.

Когда я, наконец, женился, мне было 32 года.

После женитьбы я хотел перевезти мать к себе в город. Но она никак не соглашалась, ссылалась на то, что не сможет жить в "государственном доме".

Когда я поинтересовался причиной, она заявила: "Да буду я твоей жертвой, сынок! Разве можно быть достаток в доме, где кухня находится рядом с отхожим местом?! Не принуждай меня, не по мне это городское житье!"

В редкие ее визиты к нам я чувствовал, что ей не по себе в нашей городской квартире. За весь день она могла съесть только кусочек хлеба и выпить полстакана чая.

В такие дни я обнимал ее за шею, целовал в седой пучок на голове и спрашивал:

- Мама-мамочка, что же ты не хочешь есть сыновний хлеб?

Она же пыталась возразить:

- Что ты, да буду я твоей жертвой, а и дома больше не следаю.

Но я знал, что она привыкла к деревенским условиям, и городской быт ей не по душе. Мать была набожной женщиной, молилась, как положено, и ей претила близость "нечистого" места, то бишь туалета.

Именно по этой причине ее визиты никогда не длились больше двух дней. Затем она торопилась обратно в деревню. Прошавшись, всегда просила:

- Сынок, Аллахом заклинаю, переезжай ты из этой голубятни. Купи себе участок земли, построй дом. Детям только польза будет. Пусть ходит по земле, дышит чистым воздухом. Ну что ты потерял в этой коробке?

Я обещал ей, что обязательно куплю участок, как только подкаполю денег, и построю дом. От этих обещаний лицо ее расплывалось в довольной улыбке. И она говорила: "Вот будет у тебя собственный дом и свой двор, буду гостить у тебя неделями..."

Последние дни жизни матери были очень тяжелые. Болезнь все больше подтачивала ее. Она уже не могла вставать с постели. Младшая сестра с семьей переселилась к ней, чтобы ухаживать за тяжелобольной. Так было спокойнее и

Чтобы подбодрить ее, я подкапывал "да, знаю, это пустячная болезнь. Скоро ты поправишься. Но проверишься все же не мешает - так, на всякий случай".

Внимательно осмотрев мать, врач отвел меня в сторонку и осторожно сообщил, что больной осталось жить несколько месяцев, а может, и дней. У нее рак. Не надо мучать женщину.

Приговор врача потряс меня. Я подумал о том, что бедная моя мама так и не успела повидать в своей жизни ничего хорошего. Всю жизнь работала в поте лица, недоела, недосыпала, растила нас, кормила, отрывая от себя последний кусок. Дышала нами, жила только нашими заботами... А сейчас, когда мы уже выросли, встали на ноги и вполне можем позаботиться о ней, обеспечить ее старость, болезнь отнимает ее у нас? Мамочка, даже корчась от невыносимых болей, ты думала о нас, пыталась не показать, как тебе плохо, не огорчать нас.

"Удивительное это явление - материнская любовь", - думал я. - Моя мама, не задумываясь, отдала бы жизнь за нас. Будучи тяжелобольной, она не переставала заботиться о нас, умоляла не обращать внимания на ее боли, заниматься своей семьей".

В связи с загруженностью на работе я некоторое время не мог навещать мать. Но каждый день звонил, интересовался ее состоянием. Сестры сообщали мне,

которыми мешала золу в печи. А вот и маленький сарай возле тещина... Большую часть дня мать проводила здесь, - ведь именно в сарае хранились запасы муки, зерна, продуктов. Каждый уголок в этом дворе словно вобрал в себя ее запах.

Я поднялся на террасу. Прошел в мамину комнату. Она лежала на кровати с закрытыми глазами. Сестры сидели возле нее. Завидев меня, они встали и со слезами на глазах поздоровались со мной.

Я подошел к маминной постели, присел на краешек кровати. Мать сильно изменилась. От прежней энергичной женщины не осталось и следа. Она тяжело дышала. Слезы навернулись мне на глаза. Я приложил руку ко лбу матери, ощутив его ледяной холод. То ли почувствовал тепло моих рук, то ли по какой-то одной ей ведомой причине она с трудом открыла глаза и хриплым голосом спросила:

- Эльбрус, сынок. Это ты?

Нагнувшись, я нежно провел рукой по седым волосам, поцеловал холодный лоб:

- Да, мама. Я приехал к тебе.

В этот миг сестры громко разрыдались - ведь мама уже больше недели не могла говорить.

Мама протянула мне руку. Я обхватил ее ладонью и поцеловал. От ее руки

МОЛИТВЫ, ПРИХОДЯЩИЕ С ДОЖДЕМ...

мне, так как я знал, что она под присмотром.

У меня было много дел в городе, служебные обязанности не давали возможности часто выезжать. Иногда я приезжал в деревню ночью и этой же ночью ехал обратно. Когда я отсутствовал дольше обычного, сестры передавали, что мать сильно беспокоится обо мне. Она наивно говорила им: "Честное слово, мне не надо, чтобы он приезжал меня повидать. Пусть приезжает, чтобы я его повила".

В тот последний свой визит в деревню я задержался там на два дня. Мама совсем ослабла. В ввалившихся глазах постепенно угасал интерес к жизни. При каждом взмахе ресниц на их кончиках появлялись слезинки. Посиневшие вены на руках так вздулись, что при каждом биении пульса можно было увидеть, как дрожит иссохшая кожа. И даже в таком состоянии бедняжка беспокоилась обо мне:

- Сыночек, ну стоило ли бросать все дела и ехать в такую даль? Ты же недавно только навещал меня. Дороги опасные, не надо тебе так часто приезжать. Я хорошо себя чувствую, честное слово. Нигде ничего не болит, аппетит хороший. Вот видишь - не стоило тебе беспокоиться, - отчитывала она меня как ребенка.

Но я знал, что мама просто не хочет расстраивать меня. Не хочет, чтобы я видел, как ей плохо.

Чуть ли не силой я отвел ее к врачу. Она не хотела идти.

- Сынок, а старая женщина. Сегодня болено, завтра уже на ногах буду. Зачем так волноваться по пустякам?

что ей по-прежнему плохо, но она умоляет не говорить мне о болях, которые ее мучают, не беспокоить меня...

Но я, конечно же, беспокоился. Каждый раз, когда ночью вдруг раздавался телефонный звонок, я вздрагивал. Сердце сжималось от страха - вдруг сестра звонит сообщить дурную новость. Так проходили дни - в волнении, страхе, беспокоестве.

И вот однажды позвонила старшая сестра. Она сообщила, что состояние мамы ухудшилось, она уже не может говорить, два дня ничего не ест.

Посоветовала приехать хоть ненадолго, повидаться с матерью. "Глазами она все время словно ищет тебя", - со вздохом сказала она.

В тот же день утром я выехал в деревню. На дворе стояла осень, моросил мелкий дождь, из-за которого кругом стояла слякоть. Хмурая осенняя погода еще больше усилила гнетущую тяжесть на душе. Всю дорогу я гнал машину, вспоминая детские годы, согретые материнской лаской. Господи, как я буду жить без нее? Я сожалел о годах, прожитых вдали от матери. С раскаянием думал: "Надо было во что бы то ни стало заставить ее переехать к нам, в город".

Остановив машину во дворе, направился в дом. Дождь лил не переставая. Пока я доставал из машины гостинцы, приготовленные для мамы, успел немного промокнуть.

Во дворе никого не было. Из-за дождя все сидели дома. Замедлив шаг, я осматривался по сторонам. Везде словно отпечатались следы ее заботливых мозолистых рук - на тещине, где мать пекла ароматный вкусный хлеб, рукояти вил,

пахло горячим хлебом, только что вынутом из тещина. Она протянула руку к моим волосам. Этот родной до боли жест всколыхнул мне сердце - мама всегда гладила мои волосы при встрече. Я понял, что она хочет вновь прикоснуться к ним.

Я пригнул голову, чтобы ей было удобнее. Дрожащие руки мамы запутались в моих волосах. Затем соскользнула мне на плечо, потеревши ворот пиджака. Потом она вдруг спросила:

- Эльбрус... сынок... дождь идет?

- Да, мама. Идет. Мелкий, приятный дождик...

Мать с усилием помашала рукой.

- Эх... ну почему идет дождь, - простила она.

- Мам, дождь - к добру, к достатку. Пусть себе накрапывает, - ответил я.

Мать еле слышным голосом возразила:

- Сынок, не о себе я беспокоюсь, мне все равно умирать... А вам трудно будет... Намучаетесь под дождем меня хоронить...

Прогovorив это, она снова закрыла глаза... Слезы душили меня...

Даже в предсмертных муках мама все еще беспокоилась о нас.

...Когда мы несли на плечах гроб, провожая маму в последний путь, моросил мелкий осенний дождь. Он напомнил мне слезы матери, которые она укралкой от нас проливала в трудные минуты жизни. Мне показалось, что мама и после смерти плачет с небес, переживая за нас... Моя бедная мама...

Перевод Лейлы КАДЫРЗАДЕ